

Солнце уже давно поднялось над линией горизонта и немилосердно, с яростью, светило в окно купе. Я проснулся. Поезд, покачивая вагонами на поворотах и стуча колесами на стыках рельсов, шел на юг, купе наполнялось дневным светом. Проехали по небольшому мосту через

степную речку, в дорожную мелодию новым аккордом ворвался четкий металлический перестук. Показались небольшие пригородные дома с палисадниками, за ними высился огромный элеватор, и состав, замедляя ход, подкатил к зданию вокзала. Город Балашов. Застучали открываемые проводницей двери вагона. В коридоре послышались голоса, шаги.

Дверь распахнулась, и в купе вошел седоволосый мужчина среднего роста, широкоплечий, довольно плотной комплекции, лет шестидесяти. Он улыбнулся, поздоровался и назвал свое имя — Николай. В купе, кроме меня, никого не было, и Николай занял нижнюю полку. Время отпусков закончилось, вот и поубавилось количество желающих отдохнуть у моря.

— Вы не к морю едете? — спросил он.

— Да нет, — ответил я, — еду навестить свою двоюродную сестру в Ростов, давно не виделись, да и поддержать ее немного надо, недавно она похоронила мужа.

Николай удивился:

— Надо же, в наше время и с родными братьями-сестрами не особенно общаются, а Вы к двоюродной едете.

Он занялся своим устройством, поэтому наступила некоторая пауза в нашем разговоре. Поезд плавно набрал скорость, колеса привычно застучали свою нехитрую мелодию. За окном открылись степи с заболоченными низинами, которые были сплошь покрыты высоким тростником. Наш разговор возобновился, и мы не заметили, как поезд подошел к станции Поворино. На перроне толпились местные женщины, увешанные шерстяными вещами. Они продавали вязаные ими же носки, варежки, платки, перчатки, пледы.

— В Поворино овец разводят, — сказал Николай, — вот народ и занимается шерстяным бизнесом.

Но покупателей из поезда на перрон вышло не так много.

— Пожалуй, и товар поворинского бизнеса не бойко расходуется, — ответил я. Мимо наших окон в это время проплывало диковинное здание вокзала, и я засмотрелся на необычное строение. Крыша вокзала была сделана в стиле крепостных стен с башнями, в белозеленых тонах, и напоминала о том, что когда-то Поворино было пограничным форпостом государства Российского.

За Поворино Воронежская область раскинула перед нами всю ширь своей земли. Невысокие горы, холмы, низины, изрезанные руслами небольших извилистых речек. Мы молча наблюдали за уходящими вдаль однообразными картинами российского Черноземья. Вот небольшое село. По дороге, вьющейся вдоль железнодорожного полотна, идут молодые мужчины. Оба чернявые, худощавые, одеты в простые теплые куртки, в спортивные трико, на ногах — короткие резиновые сапоги. За селом оди-

нокий старик и такая же одинокая корова. По-видимому, он вывел ее на лужок к дороге, которая уходила кривой лентой в степь. Вдоль дороги — кучи мусора, битого кирпича. Картина безрадостная. И подумалось, глядя на однообразное, грустное, тихое, что сейчас наступило время, когда русскому мужику стало все равно, какая будет власть, будет ли в стране перспектива выхода из кризиса, существует ли армия, способная защитить страну. Эти понятия истираются в повседневной жизни, проходящей в пьянстве и бедности. Какая бы ни была власть, потребность быть сытым, обутом, одетым остается на первом месте. И как это ни страшно думать, возникают от беспросветной жизни в голове русского мужика мысли о том, что — хоть иноземное иго, лишь бы потребности были удовлетворены. Вот и не ходит поэтому русский мужик голосовать за новоявленных кандидатов, а если и ходит, то голосует назло «демократическим» призывам власти. Развал героического прошлого страны привел к безразличию и наплевательскому отношению, соединенному со злобой и вредительством. Что бы ни случилось в стране, хоть катастрофа, но гайку для своей рыболовной снасти он все равно открутит от рельсов. Тем более что они теперь не государственные, а какого-то железнодорожного олигарха.

Промелькнула станция Оляха. В пристанционном поселке дворов 250—300. Поля вокруг заросли кустами и сорной травой. Среди этой дикой растительности пасется стадо — пяток коров и три овцы. И опять вдоль железной дороги кучи мусора...

— Что-то грустные картины и мысли грустные навевают, — услышал я голос Николая, — Даже вспомнились сейчас, сам не знаю, почему, два невеселых случая из моей жизни. Я бы даже сказал — трагические случаи. Они, конечно, ничего общего не имеют с сегодняшней действительностью, и вообще, по большому счету, из другой темы, но все это — жизнь наша. Если хотите, я расскажу. За разговорами и путь короче становится, и время незаметно летит.

Я согласился, зная, что если человек вспомнил о трагическом, значит, на то есть веские причины, да и высказаться в такой ситуации — как будто камень с души сбросить, облегчив ее от тяжелых воспоминаний или дум. Даже, если не услышишь в ответ слов поддержки или сочувствия. Но высказанное облегчает внутреннее напряжение души.

Николай помолчал, глубоко вздохнул, и начал свой рассказ.

— Довелось мне быть в жизни свидетелем, как человеческие слабости и болезни нервной системы приводят людей к поступкам, прямо скажем, неразумным. Конечно, я не специалист по душевным болезням и по негативным склонностям. Но то, что произошло с моими знакомыми, во многом повторило несчастья, случившиеся с известными всему миру людьми. Думаю, что единственным оправданием таким поступкам может служить лишь душевная болезнь человека. Ведь уравновешенность и устойчивость личности создаются преобладанием умственной жизни над

чувственной и страстной стороною. А если и алкоголь начинает господствовать над человеком, то это еще больше приводит его в умопомрачение. Ну, чтобы больше не утомлять своими дилетантскими рассуждениями, перейду к рассказу, и вам станут яснее мои слова.

В далеких семидесятых годах прошлого столетия, после окончания института, приехал я, молодой специалист, по распределению в перспективный, растущий город. Получил направление на работу в технологический цех одного из только что введенных в эксплуатацию заводов. Мне сразу же предложили должность мастера. А поскольку я приехал с семьей, то и жильем обеспечили. Небольшим, конечно, но отдельным. Все не по квартирам маяться. Было такое время в истории нашей страны, когда и промышленность повсеместно развивалась, и строительство жилья велось. Как писали в газетах того времени, «бурными темпами». Работал я в службе технолога цеха Бориса Михайловича Тащилова. На всю жизнь запомнил его имя. Был он старше меня лет на пятнадцать, а значит, и возраста — лет тридцати шести или тридцати семи. В общем-то, человек довольно молодой, но мне, выпускнику института, казался он мужиком умудренным, с производственным и житейским опытом. Многое я узнал от него. Казалось бы, такая мелочь, как ведение технической документации. Но было все в таком идеальном порядке, что значительно отличало его от других технологов. Все папки с документами подписаны, заведен реестр на всю документацию, так что если какая-то бумага вдруг срочно понадобится, все знали, что надо обращаться к Михалычу. Так в цехе его все и называли — наш Михалыч. Через несколько лет, когда я уже сам работал технологом в другом цехе, то всегда старался следовать той аккуратности в отношении к документации, которую унаследовал от Михалыча. Очень это помогало в работе.

В обыденной жизни Михалыч выслушивал любого человека, с каким бы вопросом тот не обращался. Была у него одна особенность. На многие вопросы он отвечал строчками из стихов Сергея Есенина. Особенно часто я слышал от него: «Жить нужно легче, жить нужно проще, все принимая, что есть на свете». Помню, была в шкафу его технической библиотеки вместе со справочниками и расчетами по технологии серенькая книжка стихов Сергея Есенина. Издания, кажется, тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Единственная книжка не технического содержания. Довольно потрепанная, видно, хозяин частенько брал ее в руки. Выпивал Михалыч тоже по-есенински. Случались у него и запои. И если бы не его технический талант, умение найти простые решения сложных технологических проблем, давно бы начальство дало ему от ворот поворот. Но прощались ему все слабости, потому что человеком Тащилов был незаменимым.

Однажды мы были удивлены тем, что Михалыч наш внешне изме-

нился. Причем в положительную сторону. На работу стал приходиться в белой рубашке с обязательным атрибутом — галстуком, да и по утрам запаха «вчерашнего» не чувствуется. А причина оказалась банально простой. Ушел наш Михалыч от жены и от сына к другой женщине с другим сыном. Вот она, будучи помоложе и поактивнее, первой и взялась за перевоспитание Михалыча. А месяца через три после случившейся с ним метаморфозы освободилось место начальника цеха. Кандидатура Михалыча оказалась самой близкой и подходящей к этому месту. По слухам стало нам известно, что перед назначением на новую должность состоялся с ним серьезный разговор у директора завода, который жестко, без обиняков, предупредил нашего Михалыча о том, чтобы прежние слабости он забыл напрочь.

Прошло еще месяца три. Все вроде бы стало налаживаться — и на работе, и в быту... Но случилось то, что случилось. Сорвался наш Михалыч. Да и как не сорваться. Слаб человек перед искушениями дьявола, особенно когда змий зеленый одолевает. И если этот змий постоянно рядышком хвостиком помахивает, да зазывающим взглядом в глаза посматривает, тяжело человеку вести борьбу с ним.

Для различных цеховых нужд, а это и промывка приборов, и протирка контактов электроустановок, применялся этиловый спирт. Объемы довольно внушительные — в десятках литров. Поэтому всегда у начальника цеха был собственный резерв на неотложные, так сказать, нужды. Спирт — ректификат, то есть синтетический. А какая разница между спиртом техническим и пищевым? Да для русского человека — нет никакой. Формула химическая одна и та же, действие на организм идентичное. Вот и использовался этот резерв в качестве жидкой валюты. Всегда на производстве происходят непредвиденные случаи — срочный ремонт оборудования, опять же поломка какая-нибудь. Да чего греха таить, а демонстрации? На Международный день солидарности трудящихся, а проще на Первомай, да и на годовщину Великой Октябрьской революции надо организовать достойный выход работников цеха. Партком зорко следил за политической активностью масс. Конечно, приподнятое настроение присутствовало, но мужская половина коллектива всегда знала, что праздник — не праздник, если не будет дармового угощения перед демонстрацией. Вот и спрашивали всегда: «А будет?» Ну, а как без этого?

Так вот, владея некоторым запасом цехового объема спирта, как тут не пригубить самому из родника? Вот и сорвался наш Михалыч. Женщина, с которой он жил, выгнала его. Сразу же произошли разительные перемены в его внешнем виде. Помятость лица, неопрятный вид нестиранных рубашек, запой по выходным. Что странно, но это не мешало ему решать производственные вопросы, а уж в техническом мышлении не было ему в цехе равных. Но все до поры, до времени. После очередного выходного запоя не смог он остановиться, и был направлен на ле-

чение в наркологический диспансер. Через три недели вернулся посвежевший, бодрый и полный новых сил. Шутил. Сыпал направо и налево строками Есенина. «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму заживет!» Рассказывал о тех, с кем проходил лечение. Вспоминал ветеринара, с которым лежал в одной палате. Ветеринар спился на почве лечения коров от невроза, а проще — вместе с ними пил стаканами валерьянку от излишнего возбуждения. Ну, этот случай про ветеринара так, к слову пришелся. А Михалыч, вроде как снова остепенился.

Но сколько волка ни корми, а у веревочки всегда конец отыщется. Через месяц, в одну из пятниц, не уходя с работы, размочил Михалыч свое лечение. Два выходных дня не выходя, горевал в кабинете. «Ну и что ж, помру себе бродягой, на земле и это нам знакомо», — как говорил поэт.

В понедельник с утра кабинет начальника цеха закрыт, самого его на работе нет. Директор завода рвет и мечет. «Найти и уничтожить!» А где искать Михалыча? Наконец, нашли ключи от его кабинета, открыли... А он — там! С одутловатым, почерневшим лицом, небритый, лежит и похрапывает на диване. Начальник производства его растолкал, кричит на него, кулаками размахивает, а тому — трава не расти. Начальник производства выгнал из кабинета всех, о чем-то с ним говорил. Михалыч понял, что надо идти к директору завода. А как идти в таком непотребном виде? Вот он и попросил принести ему бритву, чтобы хоть немного приличный вид приобрести. Хотя зачем он теперь, приличный вид? Ясно и так, выгонять будут. Начальник производства пошел в свой кабинет за механической бритвой. Принес, велел через полчаса быть готовым. Прошло ровно полчаса. Возвращается. А дверь кабинета опять закрыта. А ключи-то он оставил на столе у Михалыча. На его нервный и громкий стук — мертвая тишина. Пока бегали за инструментом, пока вскрывали замок, ломали дверь, прошло еще минут двадцать. Открыли.

Михалыч висел на трубе центрального отопления, шея его была затянута не мертвой петлей, а петлей, которую он соорудил из матерчатого ремня противогазной сумки с металлической пряжкой. И висел он на правой стороне шеи. На столе была записка, которую сразу же забрал начальник производства. Так никто никогда и не узнал, что в ней было написано. Может быть: «До свиданья, друг мой, до свиданья, не печалься и не хмурь бровей...».

В тот день я работал в ночную смену. Обо всем, что случилось в трагический понедельник, я узнал из рассказов сослуживцев. Ночью на кузнечном участке ремонтного цеха гроб с телом нашего Михалыча запаяли в цинковый ящик. Я решил попрощаться с ним, но когда пришел, ящик был уже запаян. Полумрак, огонь газовых горелок, смрад... Какая-то шекспировская обстановка средневековья. Тело Михалыча отправили на родину, к родителям, далеко за Урал.

Мой спутник замолчал, посмотрел виновато.

— Извините за грустные воспоминания. В поезде тянет на открытость. Это как с самим собой разговаривать. Ведь я вас завтра увижу в последний раз, и все, о чем рассказал, если даже и откроете кому-то, останется вне моего ведения. Поэтому я без оглядки и выкладываю свою душу, даже с близким так не поговоришь, всегда будешь чувствовать его взгляд, а в молчании и осуждение порой сохраняется.

Продолжу я дальше рассказ, с вашего разрешения. На этом мои истории, связанные с именами известных и знаменитых людей, не кончатся. Прошло много-много лет с того события, о котором я рассказал. Почитай, лет около тридцати пяти. И я вновь был ошарашен на крутом изгибе, который подготовила мне жизнь.

Но, пожалуй, начну по порядку и, как говорится, от печки. Чтобы вы поняли мою связь с этим случаем. Когда я учился в институте, у меня было множество друзей. Я легко сходилась со всеми. Характер у меня открытый, можно сказать, даже чересчур, поэтому очень доверчив к людям. За что порой и расплачиваюсь собственными разочарованиями. Но это отдельная страница моей биографии. Так вот, как-то само собой сложилось, что по своим интересам, по родственному интеллекту собралось нас вместе четверо парней. Мы вместе сидели на лекциях, порой вместе прогуливали их. Устраивали на последний рубль пивные посиделки в одном полюбившемся нам заведении, в пельменной с названием «Девятый вал». Потому что там висела аляповатая, оригинального внушительного размера копия картины Ивана Айвазовского. На первых двух курсах нашей учебы в институте, пожалуй, я один из четверых не придавал особенного значения учебе. Это уже на третьем курсе, когда начались специальные предметы, учеба для меня приобрела совершенно другую окраску — появился интерес и, как следствие, желание узнавать новое, а значит, и учиться. А на первых двух курсах я перебивался повторными сдачами и переносом экзаменов на осень. Друзья же мои учились вполне прилично, и в зачетках у них не было места даже «удочкам». Особенно в учебе отличался Виталик Резунков.

Может быть, сказывалось то, что учебу свою мои друзья продолжили после школы, по инерции, так сказать. А я, не поступив в институт сразу после окончания школы, отработал год на заводе слесарем, почувствовал вкус свободы, и перестроиться снова на постоянные занятия мне было трудновато. А Виталика после первой сессии пригласили даже совмещать учебу с работой лаборанта на кафедре химии, где он успешно, к своей повышенной стипендии, получал еще и зарплату — рублей семьдесят или восемьдесят.

Особенно наша компания сдружилась в строительном отряде после первого курса. В тот год впервые для студенческих отрядов ввели специальную форму, и выглядели мы очень эффектно, под «десантуру». В юности душевные порывы сближают, потому что набор внутренних

свойств одинаков, это и роднит, позволяя понимать друг друга. Хотя и количество информации, которой владеешь, бывает очень различным. Но юные души открыты для нового в жизни, а значит, и для общения. Так и мы в то время очень тесно сошлись, дружили по-настоящему. Но чем ближе становилось к нам окончание института, тем реже стали наши встречи, а пивные посиделки прекратились совсем.

Распределение на работу после института развело нас по разным городам и весям. Один уехал в Москву продолжать учебу в аспирантуре, второй был принят преподавать в вечернем филиале нашего института, я был направлен на завод и уехал устраивать жизнь своей семьи в другой город. Виталик остался работать на кафедре, его оформили в качестве мнс и обещали зачислить в аспирантуру. Что, конечно, и было сделано. Но кто такой мнс? Вернее поставить вопрос так — а какая зарплата у него? В то далекое и не совсем плохое советское время у младшего научного сотрудника она составляла сто рублей. А тут и семья у Виталия образовалась, родился сын.

Помню, мы с ним встречались года через два после института, я-то хоть и работал мастером, но получал свои двести рэ, а он продолжал корпеть на кафедре мнс-ом, готовя материалы для диссертации. Но уже через три года узнаю, что семья у него распалась. А причина до простого безобразия банальна — жена требует денег, а их нет. Вот и бросил он свои научные изыскания, и укатил на север, кажется, в Нижневартовск. В середине семидесятых годов шло бурное развитие нефтедобычи, государство не скупилось на устройство новых городов для нефтяников. Связи наши окончательно оборвались. И лет пять я о нем ничего не знал.

Но поскольку мы, выпускники института, продолжали встречаться каждые пять лет на кафедре, то кое-что о его жизни мне стало известно из рассказов бывших однокашников. Виталий окончательно забыл, что у него есть диплом о высшем образовании, окончил курсы сварщиков и устроился работать на прокладке нефтепровода. И многое сумел — стал мастером высокой квалификации — паспортистом. Но семью не завел, жил один, постоянно в командировках.

И вот, буквально лет семь назад, мы с ним встретились. После этого он и в гости к нам приезжал. Все такой же веселый, в глазах как будто все время солнечный майский день. Был он с женщиной, представил ее своей подругой. К тому времени Виталий закончил работу на газопроводе — вышел на пенсию в 55 лет по вредному стажу, как электросварщик. Занялся каким-то сетевым маркетингом. Мы после встречи расстались очень тепло, по-дружески, радостно. И тем неожиданнее и нелепее было для меня известие о его смерти.

Когда я года через четыре после нашего последнего общения с Ви-

талием приехал на традиционную встречу выпускников института, среди собравшихся его не было. Зато я встретился с одним из друзей нашей юношеской четверки. И первый же вопрос, с которым я к нему обратился, был про Виталия.

— А ты что, ничего не знаешь? — удивился он.

Я недоуменно пожал плечами.

— Виталик застрелился.

Я даже не мог сообразить — а что же дальше спрашивать? Эти слова ошарашили меня до степени душевного ступора.

И рассказал товарищ мне вот что. Виталий продолжал жить в Нижневартовске. В тех природных местах и охота, и рыбалка замечательные, а что еще пенсионеру надо? Купил он двустволку. И вот, когда ему исполнился шестьдесят один год, он совершил поступок, повторивший в точности все то, что сделал Эрнест Хемингуэй ранним утром второго июля тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Он так же поставил ружье прикладом на пол, наклонился вперед, приставил стволы двустволки ко лбу и одновременно спустил оба курка.

Я очень мало знал о жизни Виталия в последние тридцать лет, поэтому могу лишь предполагать, что могло толкнуть его на этот поступок. Виталий так же, как и великий американский писатель был поглощен в последние годы жизни своими мыслями о том, что смерть будет лучшим подарком в жизни. Но если Хемингуэй был подавлен состоянием собственного здоровья, которое ухудшалось с каждым годом, то Виталий, по всей видимости, серьезно пересматривал свою прошлую жизнь, которая уже ничего не значила для него, отработавшего свой ресурс и фактически ничего не достигнувшего в жизни. Угнетенный собственным одиночеством, которое было скрашено только постоянным чтением книг любимого писателя, он ничего лучшего не смог придумать, как повторить его последний поступок.

Николай замолчал, и мне не хотелось отвлекать его от нахлынувших тяжелых воспоминаний. Вагонные колеса, как невидимые часы, продолжали отстукивать секунды, минуты, часы нашей жизни. Жизни, цена которой — наши собственные дела. И поступки, которые порой ставят точку в конце наших дел.